

АКТУАЛЬНО

Прошить и пронумеровать

Незадолго до встречи ФАНО собщило о создании в своей структуре комиссии по информатизации с целью сокращения документооборота. «Глобальная цель, которая стоит перед Комиссией — автоматизировать научную деятельность», — приводит сайт агентства слова замначальника управления информационных технологий и защиты информации ФАНО **Марианны Харций**. Пока же ученых не заменили на автоматы, чиновница видит важным уменьшение числа бумажных запросов и ответов «с мест».

Увы. Выступление в Новосибирске замначальника другого управления ФАНО (по федеральному имуществу) **Ленары Ринатовны Дегтяревой**, обращалось к необходимым перечням бумаг и правилам их оформления. Так, заявочный пакет на согласование сделки (см. ниже) от директора института должен быть «...прошит, пронумерован и скреплен печатью». «Одна из главных задач Сибирского территориального управления, — сказал **Михаил Котюков**, — первичный осмотр состояния и комплектности документов». Если они не требуют переформирования, заверила Ленара Дегтярева, московский офис агентства будет их обрабатывать 10—15 рабочих дней. К которым, вероятно, следует прибавить сроки доставки туда и обратно.

Согласовать и досогласовать

В основном доклад Ленары Дегтяревой был посвящен тому, как директорам подведомственных организаций ФАНО правильно совершать сделки. Таковых организаций два типа: научные, в основном, являются федеральными госбюджетными учреждениями (ФГБУ), а инфраструктурные — унитарными предприятиями (ФГУП). Правила игры для них установлены весьма близкие. Их суть — обеспечение контроля центрального аппарата ФАНО над всеми мало-мальски серьезными управленческими решениями, связанными с государственными ресурсами. Прежде всего, недвижимость и ценное имущество без санкции агентства нельзя списывать, в какую бы степень негодности оно ни пришло. Особое внимание — землям. «Прежде чем передавать участок в Фонд РЖС, необходимо согласовать это с ФАНО», — подчеркнула Дегтярева. То же самое требуется и при сдаче в аренду территорий либо помещений.

Что же касается почти повседневных сделок купли-продажи, то здесь директор свободен в пределах 10% уставного фонда своей организации или 5 миллионов рублей. Один, к примеру, гусеничный вездеход «Бобр» за 2 255 000 рублей он может приобрести без санкции ФАНО, а два — уже нет. С учетом требований 44-го федерального Закона, процедура согласования

трехэтапная. Сначала федеральное агентство утверждает условия проведения конкурсной процедуры, по ее итогам — сделку с победителем, на последок — отчет о выполнении госконтракта.

Отслеживает ФАНО и полноту учета государственного имущества. Ленара Ринатовна сказала, что составляется «Доска почета» (в лучшем смысле слова) организаций, отличившихся в деле регистрации и постановки недвижимости на кадастровый учет. Стопроцентно эта работа выполнена в Институте катализа им. Г.К. Борескова, Центральном сибирском ботаническом саду, Новосибирском институте органической химии им. Н.Н. Ворожцова. На темной стороне доски — ФГУПы: «УЭВ СО РАН», «ЖКХ ННЦ СО РАН» и перешедший из Россельхозакадемии «Энергетик», оформившие менее 10% объектов. Почему так? Умозрительные гипотезы вряд ли верны, а зарегистрировать госимущество необходимо всем...

Назначить и оценить

Кадровый вопрос на совещании поднимался неоднократно. Начальник административного управления ФАНО **Ирина Олеговна Шеходанова** напомнила новые правила назначения руководителей. Как и в ситуации с совершением сделок, они разнятся для ФГБУ и ФГУПов, но более принципиально. В научных учреждениях процедура отбора многоступенчатая и на первом этапе, скажем так, многоканальная. Потенциального директора может предложить и ученый совет института, и отделение РАН (отраслевое или территориальное), и просто группа академиков, а также Совет по науке и образованию при Президенте России. Инициативой выдвижения наделяется и ФАНО как таковое, а теперь это право может быть делегировано создаваемому при агентстве Научно-координационному совету, состоящему как из чиновников, так и из ученых. Затем идет цикл согласований: сначала Президиумом РАН, потом кадровой комиссией того же президентского Совета. Кандидатуры, прошедшие все горнила, ФАНО публикует на своем сайте, а победитель определяется выборами, которые проходят в институте согласно его Уставу.

Но... есть два «но». На первое обратил внимание директор Лимнологического института СО РАН (Иркутск) академик **Михаил Александрович Грачев**: если на любой довыборной стадии остается единственный претендент, весь процесс возвращается в точку старта: «Не напоминает ли это сказку про белого бычка?» Глава ФАНО ответил: «На каждом этапе кандидатур должно быть не меньше двух, иначе вся кампания будет проводиться заново». Dura lex, sed lex: правительственное постановление уже принято. Вторым «но» стал пункт того же документа о голосовании в стенах научного учреждения, в котором принимают участие все, поголовно, его штатные работники. А в Институте ядерной физики им. Г.И. Будкера, к примеру, где работает почти три тысячи человек, научных сотрудников только 440. Остальные — инженеры, конструкторы, лаборанты, техники, рабочие, администраторы... Эта картина характерна для всех крупных институтов с развитой экспериментальной базой, и есть опасение,

что их коллективы будут симпатизировать авторам популистских обещаний, а не программ научного развития.

В инфраструктурных ФГУПах все решается просто, хотя и не демократично. ФАНО объявляет конкурс на должность руководителя, претенденты проходят тестирование из 50 вопросов (хотелось бы их увидеть!) и представляют свои программы, после чего агентство определяется с выбором. Михаил Котюков напомнил, что от лица Российской Федерации он уполномочен заключать, изменять и расторгать трудовые договоры со всеми без исключения руководителями. В 2015 году истекли контракты у тринадцати директоров, а 18 уже сегодня работают в статусе временно исполняющих обязанности. Обратил внимание глава ФАНО и на новый возрастной ценз: конечно, и 64-летний гражданин может претендовать на директорское кресло, но продержится в нем не очень долго...

ФАНО заявило о своей причастности к уже начинающейся работе по оценке эффективности исследовательских учреждений. Обнародованы проекты: методики, по которой будет проводиться экспертиза институтов, а также положения о комиссии по оценке деятельности научных организаций. Предполагается, что в нее войдут 30-40 человек. Не менее половины должны составить ученые, одну четверть — сотрудники ФАНО, а еще 25% мандатов выделяется для «...представителей бизнес-сообщества, заинтересованных некоммерческих организаций и государственных фондов поддержки научной и инновационной деятельности».

Критерии эффективности на встрече в Академгородке не обсуждались, но Михаил Котюков сделал важное заявление: «Мы договорились при оценке институтов учитывать их региональную значимость». Таким образом, принято пожелание, неоднократно звучавшее в выступлениях академиков Александра Леонидовича Асеева, Алексея Эмильевича Конторовича, Николая Петровича Похиленко и их коллег.

Записать и продумать

Как и на предыдущей встрече Михаила Котюкова с сибирскими учеными, из их уст звучали вопросы и пожелания, которые вызвали сдержанную ответную реакцию либо просто принимались к сведению, «брались на карандаш». Вероятно, у руководителей ФАНО выстроилась уже целая очередь проблем к осмыслению и решению, поставленных научным сообществом.

Так, директор Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН доктор технических наук **Борис Степанович Елепов** предложил возродить научно-издательский совет (НИСО), соучредителями которого могли бы выступить институты, СО РАН и ФАНО. Директор Института филологии СО РАН доктор филологических наук **Игорь Витальевич Силантьев** поставил вопрос о финансировании межинститутских кафедр (в Новосибирском научном центре — философской и иностранных языков). В госзаданиях отдельных институтов расходы на них, как непрофильные, не предусмотрены, хотя их сотрудники именно там изучают науку о всеобщем и шлифу-

ют английский с французским... «Мешает отсутствие прямой покрывающей лицензии», — считает Игорь Силантьев. Заместитель директора Института цитологии и генетики СО РАН **Сергей Вячеславович Лаврушев** говорил о необходимости лицензировать научно-просветительскую работу в сфере дошкольного и школьного образования, которую ведет та же станция юных натуралистов, «оформленная» как лаборатория экологического воспитания ИЦиГ. Но для полной легализации столь полезной деятельности, считает Михаил Котюков, надо принимать поправки к федеральному Закону об образовании. Зато поддержку аспирантуры, с его слов, «...запланировали во всех институтах, где она есть».

У многих вызывает беспокойство перспектива передачи прежнего академического достояния в руки местных властей (не всегда чистые и умелые), тем более что не за горами окончание «путинского моратория». Как быть, например, с ситуацией, когда институты перешли в юрисдикцию ФАНО, а участки под ними и вокруг них по-прежнему относятся к СО РАН? «Вопрос о земле пока не имеет решения, главное — избежать рисков утраты федерального имущества», — откликнулась Ленара Дегтярева. Как сообщил Михаил Котюков, его ведомство не проявляло никаких инициатив по передаче в муниципалитеты и детских садов.

Сложно идет процесс перевода лечебниц на финансирование через фонды обязательного медицинского страхования: особенно из системы РАМН, где значительные средства шли, идут и должны идти не на «услуги населению», а на научную работу. «Почему в Год культуры ни один из домов ученых не получил ни копейки на «прочие расходы»? — уже риторически прозвучала реплика из зала. Но разговор о деньгах велся преимущественно в будущем времени. Михаил Котюков огласил контрольные цифры бюджетного финансирования экс-академической науки на ближайшие годы. Если в 2014-м оно составило около 96,7 миллиарда рублей, в 2015-м — 92,4, в 2016-м — 92, правда, годом позже сумма возрастает до 93,3. Глава ФАНО подчеркнул: во-первых, это проектные показатели, а практические всегда ненамного, но возрастают. Во-вторых же, речь идет только о бюджетном субсидировании по госзаданиям, а есть еще гранты научных фондов, прямые контракты и прочее: «У нас шесть систем финансирования слились в одну».

На слайде был нарисован «треугольник Котюкова»: три основополагающих для директора института документа. В основе (графически, правда, на вершине) находится план научно-исследовательских работ (НИР), прошедший обсуждение на Ученом совете, проверку ФАНО (центрального) и согласование в РАН. На его основе готовится и «спускается» госзадание, а на базе утвержденных задач и цифр формируется более утилитарный план финансово-хозяйственной деятельности (ФХД).

Впрочем, у директоров эта фигура не вызвала вопросов: по близкой схеме они действовали и раньше.

Правда, в ней не было ФАНО.

Андрей Соболевский
Фото Екатерины Пустоляковой